

Никто, кроме нас! Российский спецназ!

СЕРГЕЙ

Зверев

**РЕЖИМ
ОДИНОЧНОГО ОГНЯ**

Режим одиночного огня

Сергей Зверев

Тени в раю

«ЭКСМО»

Зверев С. И.

Тени в раю / С. И. Зверев — «Эксмо», — (Режим одиночного огня)

Лейтенант погранвойск ФСБ Виталий Громов – единственный из всего выпуска Академии, кому предложено пополнить ряды спецназовцев элитного подразделения Антитеррористического центра. Принимая это предложение, Громов был готов ко всему, но не подозревал, с какими трудностями и лишениями ему придется столкнуться в действительности. Только процесс подготовки спецназовца уже оказался невероятным, угрожающим жизни, приключением, в котором собственный инструктор опасен и жесток. А впереди – диверсионные и антитеррористические операции, похожие на бег по минному полю...

© Зверев С. И.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Зверев

Тени в раю

Глава 1

Я просто уверен: если на свете и существует рай – так это Крым. Тут не принято думать о далеком будущем, тут живут преимущественно настоящим. И все располагает к такому мышлению: щедрое солнце, вечнозеленые пальмы, шум прибоя, загорелые тела на пляжах, длинноногие девушки в купальниках, теплые звездные ночи со стрекотом цикад... Край постоянной расслабухи, земной рай, вечный праздник!

Но лучше всего – крымские вечера. Уютный бар, стоящий на ялтинском берегу, веселящее пойло, приятель-бармен, готовый всегда налить в кредит...

Знакомые мужики часто похлопывали меня по спине, запросто говоря: «Ну что, Виталя, выпьем?.. Виталька, как делишки?..» – вкладывая в интонацию несколько подчеркнута иронических ноток.

Но я никогда не обижался – меня вообще трудно было обидеть – отвечал, что, дескать, все в порядке, или просто отмалчивался, глуповато улыбаясь.

Но вернемся к главному событию моей жизни – пока что к главному.

В один из июльских вечеров я, как обычно, ввалился в полумрак одного симпатичного ялтинского бара. Охранник давно уже привык к моей физиономии, поэтому при моем появлении лишь равнодушно отвернулся, скучающе уставившись на ярко освещенную набережную.

Усевшись за низкий столик в темном углу, я терпеливо дождался, когда Светочка – одна из трех пышнотелых официанток – удостоила меня жгучим, очаровательным взглядом неудовлетворенной самки. Я знал по опыту, что если меня заметили, значит, скоро обслужат. Но скоро – это понятие растяжимое.

Например, для толстопузых немцев «скоро» означает «сейчас же»; англичане вообще привыкли заменять это слово на яркий синоним «мгновенно». Что до меня, то и двадцать минут ожидания не так уж и плохо, учитывая постоянную потребность блондинок потрепаться по мобильнику, продемонстрировать свои прелести перед иностранцами или просто поковыряться в носу.

Наконец румяная Светочка, сморщив в меру потасканное личико, застыла передо мной в позе нетерпеливого ожидания, как будто все это время я упорно отказывался сделать заказ, а она в поте лица преследовала меня с блокнотом и карандашом в руке.

– Чего тебе? – пробурчала она, небрежно подтягивая тонкую бретельку ажурного бюстгальтера, на миг обнажив контрастную границу шоколадного загара с матовой белизной мясистой груди.

Приосанившись, я важно произнес:

– Порцию лягушачьих окорочков, гремучую змею в винном соусе и копченый бивень мамонта.

– А тухлые яйца вас не устроят? Можем залить все мочой молодого поросенка.

– Светик, солнце мое, ты же знаешь мои скромные потребности: два раза по сто текилы-голд с солью и лимоном.

Я еще говорил, а ее задница уже маячила в проходе между столиками. До слуха донеслись слова:

– Во бля! Такой явный жлоб, а пьет текилу, да еще с солью и лимончиком. – Она явно перевирила мой голос, стараясь изо всех сил продемонстрировать способность к пародии. – Самогонки тебе литровку, чтоб залился. Тоже мне – аристократ!

Спустя пять минут передо мной стояли две пузатые рюмки, наполненные золотистой жидкостью, и маленькое блюдце. Облизнув ладонь с тыльной стороны между большим и указательным пальцами, я обильно посыпал это место солью и поднял рюмаху.

Слизнув соль, я тут же влил в себя живительную влагу и закусил желтокожим лимоном. Вместе с кактусовой водкой внутрь моего брэнного тела проникла сладкая истома; обволакивающее тепло передалось каждой клеточке, и мне стало по-настоящему хорошо.

Я полюбил этот замечательный напиток давно, на его исторической родине, в Мексике, где бывал несколько раз по делам бывшей службы. Но любил я его не только за забористость и чересчур крутой нрав. Признаться, мне больше нравился сам процесс – так можно пить только текилу и ничего больше.

После третьего захода на двухсотграммовую дистанцию мне стало легче дышать и веселее жить. Лица окружающих приобрели добродушную размытость, и даже Светочка не казалась больше такой напомаженной.

Когда ко мне подсели двое незнакомых парней, я приподнялся на стуле:

– Светик, повторить для друзей!..

Договорить я так и не успел – «друзья» заткнули мне рот скотчем, и перед глазами поплыли радужные картинки.

Я беспросветно потерял сознание...

... Не знаю, сколько я прохлаждался, но в чувство меня привел тихий, властный голос:

– Он точно оклемается? Не хватало нам еще жмуриков.

Приоткрыв один глаз, я различил на фоне лунного небосвода две широченные спины качков с бритыми затылками и стоящего ко мне лицом толстопузого коротышку, сверкающего набриолиненными волосами.

– Вот ваш гонорар, – молвил лоснящийся господинчик, протягивая моим похитителям несколько хрустящих банкнот, – и сегодня же отваливайте отсюда, чтобы в Крыму вашего духа не было.

– Ясно, – угрюмо буркнул один из парней, и парочка растворилась в ночной тьме.

Я лежал на примятой влажной траве и наблюдал за тем, как коротышка маленькими шажочками приближается к пирамидальному тополи, под которым меня аккуратно упаковали бритые мастодонты.

В первый миг я попытался вскочить на ноги, но обнаружил, что крепко связан, – от чего меня слегка замутило. Я вообще-то не люблю, когда со мной обращаются, как с младенцем, но сейчас пришлось покориться обстоятельствам – мое тело расслабленно замерло, а глаза внимательно следили за семенящим господинчиком.

– Ну что, Виталя, как самочувствие? – Набриолиненный заметил мои скромные потуги обрести желанную свободу и улыбнулся. – Ты, главное, не дергайся, и все обойдется. Как только нам удастся договориться – тебя отпустят.

Меня стал раздражать этот самоуверенный болтун, и я резко возразил:

– Я привык договариваться с настоящими мужчинами.

Сказанное не на шутку обозлило набриолиненного. В ту же секунду я ощутил весьма болезненный пинок в живот. Затем – еще и еще...

Наконец коротышка выдохся – ясное дело, не те годы, да и отсутствие спортивной подготовки сказалось. Он тупо уставился на меня, стирая шелковым платочком обильно проступивший пот с жирной физиономии.

– Ну так что, будем говорить или как? – пробурчал он, стараясь восстановить сбившееся дыхание.

– Так ведь я уже давно слушаю, а ты все чем-то другим был занят – не хотелось беспокоить, – отозвался я, стараясь не показать навалившейся боли.

От такой дерзости набриолиненный сразу же позеленел. Он наверняка бы продолжил избиение, если бы не слабое здоровье.

Хотя черт его знает, может, он позже нагонит упущенное?

Пока же господинчик процедил сквозь зубы:

– Ты Виталий Громов, армейский отставник, работающий садовником в доме у некоего Кораблева. – Говорящий на миг прервался и переспросил: – Я все правильно излагаю?

– В общем, да, – согласился я.

О том, что я двенадцать лет отслужил в Антитеррористическом спецназе ФСБ и был комиссован по ранению, он не знал. Да и никто тут об этом не знает. Для всех в Ялте я – бывший армейский офицер и даже пенсию получаю через Севастопольский военкомат Черноморского флота России.

– Рост сто девяносто девять, когда не сутулюсь, – подхватил я, – вес восемьдесят девять килограммов... Размер обуви и длину члена называть?

По-видимому, его уже порядком достала моя ирония, но он разумно решил поберечь свою нервную систему и модную импортную обувь.

Шумно вздохнув, коротышка устало проговорил:

– Ладно, оставь свои шуточки и слушай сюда. – Говорящий присел на корточки, подпернув брючную ткань чуть повыше колен. – И слушай внимательно... Могу дать тебе шанс неслабо заработать.

Я же ни единым жестом не выдал своего интереса – безразлично поджав губы, только ждал дальнейших объяснений.

– Нам надо, чтобы ты перебросил через забор кораблевской дачи веревочную лестницу и придержал собак – остальное тебя не коснется. И вот за эту малость я предлагаю тебе две тысячи.

– Чего? – спросил я скучающим тоном.

– Как чего? – не понял он. – Денег, конечно.

– Понятно, что не презервативов. – Меня добивала его непроходимая тупость. – Каких денег: гривны, рубли?

На этот раз коротышка действительно обалдел – на круглом пороссячем личике отразилось искреннее недоумение. Справившись с собой, он сказал:

– Ну ты даешь, Виталя. Долларов США.

– Не пойдет, – отрезал я, – вы там нагребите на сотню тысяч долларов, а мне потом с ментами разбираться.

– Никто не собирается грабить Кораблева... – Внезапно коротышка осекся, как бы сказав лишнего, и попытался увести разговор от опасной темы. – Сколько же ты хочешь?

Я задумчиво закатил глаза, как бы размышляя над заманчивой суммой, а потом сказал:

– Хочу пять кусков. Хотя прежде всего мне надо знать, что вы собираетесь делать. Сам же говоришь, что грабить вы не хотите, – между прочим, зря, у буржуя есть что взять, – тогда зачем вам проникать внутрь особняка?

Набриолиненный тип нервно сморщил нос и зловеще процедил, веско загибая пальцы:

– Во-первых, за такую сумму ты у меня точило будешь зубами останавливать; во-вторых, не суй свой нос куда не надо...

– А в-третьих, – перебил я говорящего, – пошел на хер. Мне твоё мурло разонравилось окончательно, поэтому можешь вернуть своих бычков – пусть положат меня там, откуда взяли.

– ...в-третьих, если мы не договоримся – тебя положат, но не в интуристовском баре, а на Ливадийском кладбище на Южнобережном шоссе. – Он испепелил меня взглядом и назидательно спросил: – Дошло?

– С этого надо было и начинать, – поспешно перебил я, – но посуди сам: ты меня толкаешь на самый что ни на есть откровенный криминал, при этом не сообщая, для чего весь сыр-бор.

А если вы кого-нибудь завалите – мне что, прикажешь за вами по мокрой статье идти? В таком раскладе я предпочитаю...

– Заткни пасть! – грубо оборвал меня коротышка и зловеще закончил: – Если следующей ночью на заборе не будет веревочной лестницы или переполошится охрана – ты потенциальный труп.

Он не удостоил меня даже мимолетного взгляда – резко развернувшись, господинчик заковылял по узкой тропинке, смешно семеня своими короткими ножульками. Когда пухлая фигурка готова была скрыться за поворотом душистой аллеи сладких магнолий, в меня полетел странный предмет, брошенный короткой ручонкой.

Перевернувшись на бок, я обнаружил рядом с собой миниатюрный перочинный нож, пригодный разве что для разрезания папиросной бумаги.

Повозившись, я перерезал скрученную веревку. Освободившись от давящих пут, медленно поднялся на затекших ногах. Потоптавшись на месте, как старый, списанный мерин, размял одеревеневшие, колющие миллионами тоненьких иголок ступни и кисти рук.

Во рту стоял противный, мерзкий привкус в момент накатившей сухости, и я уныло побрел по тропе вверх, стремясь быстрее попасть под привычную опеку круглосуточного бара.

Настенные часы показывали половину четвертого. В питейном заведении не было ни души, если не считать долговязого бармена и двух потрепанных телок, оставшихся в эту ночь без постельной работы.

Пройдя к стойке бара, я взгромоздился на высокий крутящийся табурет, бросив на полированную поверхность купюру.

– Налей мне как всегда, – почти попросил я, устало заглядывая в слипающиеся глаза Толика.

Смахнув со стойки зеленую бумажку, бармен наполнил блестящую рюмку искрящейся желтоватой жидкостью и процедил:

– Лимоны закончились.

Влив текилу в уже пересохшее горло, я немного поморщился и только сейчас понял, насколько она противна без привычных цитрусов. Достав из кармана пачку «Ротманса», я сладко затянулся, пуская в серый потолок призрачные колечки табачного дыма. Позади раздавалось мерное постукивание острых каблучков.

Обернувшись, я увидел приближающуюся ко мне женщину. Гордо вскинув русую головку, она держала на отлете растопыренную ладонь с зажатой между пальцами тонкой сигареткой.

– Огоньком не угостите? – проблеяла козочка, буквально пожирая меня глазами. Но тут она узнала мою небритую физиономию и заметно сникла, уныло сказав: – А, это ты, Виталя.

Признаться, я впервые видел эту длинноногую бестию, но привык к тому, что меня называли по имени совершенно незнакомые люди, поэтому не удивился, оценивающе уставившись на нее.

Длинные, как я уже успел заметить, ноги переходили в плоский упругий живот, стянутый узкой материей коротенькой юбочки; пышный, вываливающийся из тесного декольте драпированной кофточки бюст смотрел мне в грудь сосками. Глаза путанки, профессионально подернутые томной поволокой, и ее покрытое несколькими сантиметрами французской штукатурки лицо вызвали откровенное сочувствие в моей отзывчивой душе.

Прикурив от предложенной зажигалки, дамочка собралась вернуться к своей подруге, но я остановил ее стремительный порыв, сказав:

– Киса, может, составить вам компанию?

Она замерла на полдороге, обернувшись ко мне всем корпусом, – ее глазки откровенно смеялись, но меня это ничуть не смущало.

Наконец расфуфыренная особа произнесла, не скрывая деланого сарказма:

– Господин желает поразвлечься? Можем за десять баксов засветить свои прелести, а ты подрочи.

И вдруг во мне что-то проснулось; какая-то неведомая сила разбудила то, что я постарался убить в себе полгода назад.

Перед мысленным взором промелькнули последние три месяца тухлой, никчемной жизни, которую и жизнью-то можно назвать только по привычке.

Я отчетливо представил себе мерзкую рожу коротышки, и мне захотелось увидеть, как этот набыченный тупоголовый кретин захлебывается в собственном вонючем дерьме.

А сейчас, глядя в подведенные глазки улыбающейся шлюхи, я ощутил непреодолимое желание подбросить ей немного синевы.

Казалось, еще секунда, и мой кулак слижет с самоуверенной физиономии гадливую улыбку...

Но ничего подобного не произошло – вместо того чтобы наградить ее звонкой оплеухой, я тихо сказал:

– А не мало будет десятки за такое зрелище? Сколько вы стоите?

Мадамочка слегка обалдела от столь неожиданного вопроса и непонимающе заморгала длинными ресницами.

– Я-я-я? – нараспев переспросила она.

– Что за дурацкая манера отвечать вопросом на вопрос. – Мне вдруг стало очень весело, и я рассмеялся. – Ты и твоя скучающая подруга.

Путанка замаялась, явно не ожидая услышать из моих уст подобных слов.

В то же время она женской интуицией прочувствовала всю серьезность сложившейся ситуации и тихо ответила:

– Вообще-то по столынику, – она больше не улыбалась и не ерничала, – но учитывая...

– Не будем ничего учитывать, – перебил я обескураженную дамочку и закончил неожиданно даже для себя: – Плачу две «кати» зеленью, и пошли бай-бай.

По-видимому, ей потребовалось какое-то время, чтобы переварить предложение. Не сказав мне ни слова, ночная бабочка уплыла к своей подружке, принявшись что-то настойчиво и красноречиво объяснять.

В конце концов жрицы любви подали мне нетерпеливый знак, означающий на их профессиональном языке – «иди сюда».

Я, кряхтя и отдуваясь, как застоявшаяся на рейде баржа, подрулил к дамочкам, бросив на ходу незатейливое:

– Хай, беби!

– Засвети-ка свои грины, – потребовала вторая, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении не столь молодой и привлекательной, как это показалось через полумрак и расстояние.

– Прошу без нервов, – промурлыкал я, доставая из кармана смятую пачку банкнот, – за мной все президенты Соединенных Штатов.

Моя рука выразительно потрясла у них перед носом зелененькими шуршалками – их головы мерно закачались в такт, не отрывая изумленных взглядов от моей руки, а точнее, от того, что в ней было зажато.

– Мне нравится, как вы оценили музыкальность и шарм моих пальчиков, но должен предупредить, что это не самое сильное место моего тела. Дальнейшее изучение прикладной анатомии и физиологии можем продолжить неподалеку отсюда – в маленьком и уютном шалаше.

Не оборачиваясь, я зашагал к выходу, зная, что они обязательно последуют за мной, как мерзкие крысы за волшебной флейтой. Надо воздать должное собственной интуиции – две пары звонких каблучков покорно зацокали по мраморному полу спящей гостиницы.

Сонный извозчик домчал нас до нужного адреса и растворился в звездной тишине.

Дамочки стояли перед фигурными воротами кораблевского поместья и отчаянно хлопали длинными ресницами, пытаясь заставить свои жидкие мозги найти хоть какое-то оправдание увиденному.

Признаться, и мне в свое время довелось пережить то же самое, когда я впервые имел честь обозреть этот дворец: трехэтажный фасад здания поражал воображение своим средневековым великолепием, где угловые башенки с резными зубчиками по краям сочетались с модернизмом огромных тонированных стекол и параболической антенной на покатой крыше – такого архитектурного маразма не увидишь даже на «Мосфильме».

Овечки переводили изумленные взоры с меня на огромный особняк, как бы стараясь осознать реальность происходящего. Чего греха таить – мой внешний вид никак не соответствовал этому дому. Но я не испытывал на этот счет никаких комплексов – впрочем, как и роскошный особняк не стыдился своего великолепия.

– Пошли, что ли. – Мне надоела немая сцена, и я подтолкнул дамочек к ажурной калитке.

Из сторожевой будки показался мрачный охранник и вопросительно уставился на нашу компашку.

Я небрежно кивнул ему и снисходительно произнес, указывая на пришибленных спутниц:

– Это со мной, можешь отдыхать.

Моя фамильярность настолько поразила ночного сторожа, что он даже не нашелся, что возразить или куда меня послать.

Увиденное резко подняло мой рейтинг в глазах валютных проституток – одна из них заискивающе прощепетала:

– Неужели вы один живете в этих хоромах?

Меня приятно поразили переменявшиеся интонации в голосе и столь неподдельно уважительно прозвучавшее «вы». Придав физиономии небрежно-высокомерное выражение, я охотно ответил:

– Почему же один? Здесь полно свирепых охранников, и бизнесмен с семьей обитают, да прислуга всякая – дворник там, повар, горничная, то, се... – Я умышленно прервался на полуслове, чтобы не называть собственную должность садовника.

Тем временем мы приблизились к мраморным ступеням крыльца, и одна из куриц направилась напрямик в парадное. Пришлось ее остановить:

– Нам не сюда – это зимняя резиденция, летом же я живу исключительно в садовом домике. – Меня так и распирало от собственной значимости.

Перестав удивляться, путанки что-то неопределенно пробурчали под нос и послушно последовали за мной к дальнему флигелю.

Дамы по-своему расценили мое жилище, сказав:

– Воистину у богатых свои причуды. Очень даже премилое гнездышко, – проговорила та, с которой мы столкнулись у стойки бара. – Между прочим, меня зовут Ассоль, но можно просто Ася.

Я манерно приложился к протянутой руке сухими губами и произнес:

– Грей, но можно просто Гриша.

Они искренне рассмеялись, а та, что была постарше, не преминула заметить:

– Между прочим, это ее настоящее имя – родители в свое время сбрендили. А я Оля.

Оставив без внимания последнюю фразу, я потянулся к холодильнику, бросив через плечо:

– Что будем пить? Или вам на работе не положено, тогда сразу натянем «алые паруса»?

– Почему же, – слегка зарделась Ася, – можно и выпить, а что у вас есть?

– Практически все. – На этот раз я нисколько не покривил душой.

Холодильник действительно был заставлен пойлом: здесь было красное и белое вино, три сорта импортной водки, «огнетушитель» с шампанским, джин и даже непонятно как затесавшаяся бутылка вишневого ликера, который я на дух не переношу.

И тут я вспомнил, зачем привел этих расфуфыренных кошелок. Под внимательными взглядами стянув с себя парусиновые брюки и хлопчатобумажную сорочку, небрежно бросил их в угол; туда же полетели и плавки – я шагнул под душ.

Когда, мокрый и взбодрившийся, я предстал перед светлые очи львиц полусвета, они продолжали пялиться на мое тело. Невольная улыбка растянула мой рот до ушей, и я сказал, слегка перефразировав острогу пышногрудой Аси:

– Вы что, собираетесь на меня драть? Тогда это стоит несколько дороже десятки. – Тут мой голос стал грубым и властным: – Под душ и в койку!

Не дожидаясь реакции, я прошел в комнату и улегся на чистое белье. Спустя несколько минут ко мне подошла Оля, жеманно прикрывая маленький бюст морщинистыми ладошками...

* * *

Утро красило нежным светом стены моей лачуги.

Голова нещадно трещала после вчерашнего, и захотелось немедленно прополоскать горло.

Пройдя на кухню, я заглянул в поредевшие ряды спиртных запасов и сделал невероятное: рука сама собой потянулась к запотевшей бутылочке минералки.

Пока я занимался изошренным мазохизмом, проснулись барышни. Первой появилась увядающая Оля с заспанным, измятым лицом и растрепавшимися волосами цвета перебродившей бражки.

Шлепая босыми ногами по полу, она принялась искать свою одежду, копошась в сваленной куче, как нищий бродяга в товаре старьевщика.

К ней присоединилась подросевшая подружка с пролежнями на объемной груди.

– Это мое, – проскрипела она, выхватывая из рук товарки кружевной бюстгальтер четвертого размера.

– Понятно, что твое, – вторила ей Ольга, выпуская из вялых пальчиков эластичные бретельки, – мне твой лиффон сгодится только для зонта или панамки от солнца.

Ася попыталась парировать выпад, промычав:

– Конечно, ты ведь свое белье в «Детском мире» покупаешь...

Неизвестно чем бы закончились их словопрения, если бы я не прервал:

– Давайте, леди-бляди, быстрее разбирайтесь в собственных манатках и отваливайте.

Затолкав собственные тела в фирменные шмотки, шлюшки направились к выходу. Мне пришлось их провожать – вопросы охранников могли быть самыми неожиданными.

Едва я переступил порог собственной конуры, как столкнулся лицом к лицу с дочерью хозяина усадьбы.

Это была сдобненькая блондинка, она неуловимо напоминала немецких фарфоровых кукол, изображающих балерин и молочниц. Всегда приоткрытые, чуть влажные жемчужные губки и прозрачные незабудковые глаза, приветливость во взгляде и абсолютная доброжелательность ко всем без исключения окружающим – от дворника и до замминистра, гостившего у нас пару дней назад... Сейчас таких барышень принято характеризовать идиотским словечком «гламур».

– Здравствуйте, Виталий, – приветливо улыбнулась она.

– Доброе утро, – ответил я, – вам что-то нужно?

– Хотела нарезать свежих роз.

Я невольно позавидовал колючим стеблям, мысленно представив, как бархат пальчиков прикасается к розовому кусту.

От меня не укрылся мимолетный взгляд, брошенный на расплавившихся лахудр, – девушка лишь оценивающе скользнула по вульгарному тряпью, напыленному на порочные фигуры, и, не увидев в них достойных соперниц, довольно отвернулась, храня на янтарных губках легкую усмешку неоспоримого превосходства.

Почти вытолкнув путанок за ворота, я угрюмо потопал назад.

Проходя мимо зеленой лужайки, я боковым зрением заметил тренирующуюся охрану: четверо горилл беспорядочно лупили друг друга, ощущая себя по меньшей мере учениками Брюса Ли. Когда я поравнялся с ними, до меня донесся раскатистый бас одного из молотобойцев:

– Эй, Виталя, не хочешь подработать живой макиварой? – Фраза сопровождалась ехидными смешками. – За переломы приплатим.

Я не раз слышал их тупые шутки, но всегда проходил мимо. Однако сейчас во мне проснулся тот, кем я был в прошлой жизни. Все-таки школа полковника Ремизова не проходит даром ни для кого...

Замерев на полдороге, я внимательно посмотрел в лицо чересчур словоохотливому бойцу и ступил на мягкий ковер зеленой травы. Смех усилился и превратился в откровенное гоготание.

– Можно и подработать. – Слова вылетали независимо от моего сознания. – Давай, начали...

Я стоял, опустив руки вдоль тела, и смотрел в искрящиеся самоуверенностью глаза двухметрового бычка. Он вяло и нехотя, как бы куражась, выбросил вперед кулак, целясь мне в грудь.

Я без труда увернулся от удара, чем вызвал недоумение на лице длинного охранника. Тогда он решил достать меня всерьез – повернувшись ко мне левым боком, боец вскинул ногу и нанес боковой удар по моему плечу. Отклонившись слегка назад, я позволил плоской стопе пролететь в нескольких сантиметрах от моей груди; в следующую секунду, используя инерцию движения противника, я перехватил поднятую голень правой рукой, а локтем левой обрушился на ровную кость – сдержанный стон перешел в скулящий вой, и горилла рухнул на землю. Катаясь по примятой траве и обхватив руками ушибленное место, он орал, мерно покачивая головой, как вошедший в религиозный транс кришнаит.

Я мог ему только посочувствовать – у нас явно были разные уровни подготовки, да и практику я имел солидную.

– Прости, я не хотел, – как можно мягче проговорил я, – но с твоими способностями только «Лебединое озеро» танцевать. Да и то что-нибудь будет мешать...

На этот раз боец взревел, но уже не от боли, а от моей наглости. Его дружки тут же навалились на меня с трех сторон – сыпя беспорядочными ударами, они стремились дотянуться до моего лица... И что за глупая привычка бить исключительно по морде, когда у человека столько болевых точек?!

Мне в конце концов надоело уклоняться, и я методично принялся их отключать: первым рухнул белобрый зубоскал, получив шокирующий тычок в выпирающий острый кадык; за ним последовал тяжеловесный детина с румяными, как у младенца, щеками – ему достался хлесткий удар по седьмому шейному позвонку (меня всегда удивляло, как люди подставляются под прямо-таки классические затрещины), и он осыпался в собственные штанишки; с третьим было сложнее... я его просто не догнал.

К собственному неудовольствию, я ощутил, как участилось сердцебиение, а ведь раньше мне были нипочем подобные развлечения. Сказалась бездеятельная жизнь и пагубное пристра-

стие к алкоголю. Все наши ребята из Антитеррористического центра, едва выйдя на пенсию, рано или поздно становятся выпивохами.

– Старею, – зачем-то вслух протянул я и вразвалочку, подчеркнуто неторопливо направился к садовому домику.

Войдя в хижину, я почувствовал, что в комнате явно есть посторонний...

Глава 2

Больше всего на свете мне сейчас хотелось провалиться под землю. Мне было стыдно и за свой загаженный холостяцкий угол, и за синеватую небритую рожу, но еще больше – за шлюх, которых Инна Кораблева видела во дворе...

– Виталий, вы собираетесь меня вышвырнуть. – Голос звучал вызывающе мягко. – А может, ограничимся легким подзатыльником?

– Что вы, – возразил я, чтобы вообще чего-то сказать, – я очень рад...

– Между прочим, меня зовут Инна, – представилась девушка.

Имени ее я действительно не знал, потому что она приехала на каникулы только две недели назад из-за границы, где грызла гранит каких-то наук, и нас, по понятным причинам, никто друг другу не представил.

Пока я глупо хлопал ресницами, Инна продолжила:

– А по вашему лицу не скажешь, что вы рады. Да вы присаживайтесь, – предложила девушка, выразительно похлопав ладонью по измятой простыне, хранившей на себе следы минувшей ночи.

Я послушно опустился на край кровати, сложив на коленях руки, как провинившийся школьник.

Она прильнула ко мне, запуская пальчики под ворот несвежей сорочки, при этом сосредоточенно сказав:

– Ой, а вас комар укусил за шею. Хотите, я принесу вам специальное средство?

Мне хотелось только одного – чтобы она навсегда убралась из моей берлоги и больше не попадалась мне на глаза. Но чувственное дыхание молодого тела, прислонившегося к моему плечу, не позволяло мне даже пошевелиться, а не то чтобы чего-то сказать.

– Извините, – наконец молвил я и, выйдя в кухню, прикурил.

Когда я вернулся в комнату, от ее присутствия остался лишь тонкий, манящий аромат французских духов и одинокая роза, горящая алым огоньком на измятой постели.

Мне срочно требовалось выпить, и я отправился в город.

Интуристовский пляж гостиницы «Ялта» переливался гомоном праздной толпы загорающих отпускников, чьи мозги безоглядно расплавил палящее солнце.

Пройдя в тенистую прохладу бара, я взял порцию джина с тоником и вернулся на солнечную террасу.

Рядом со мной на пластиковых стульях развалились две шоколадные барышни с хищными глазами искательниц приключений на поджарые попки. Девушки о чем-то тихо переговаривались, бросая в мою сторону робкие взгляды. Наконец одна из них обратилась ко мне с вопросом:

– Не подскажете, который час?

Часы привычно висели на левом запястье, но я даже не взглянул на них; вместо этого у меня вырвалось самопроизвольное высказывание:

– Какая разница, сколько сейчас времени, – я провел разгульную ночь и сексом сыт на пару ближайших суток. Это как минимум, так сказать – запасся впрок. Обращайтесь послезавтра. – Договорив, я направился к стекляшке бара за очередной порцией спиртного.

И тут мой взгляд случайно упал на толстопузого коротышку – того самого. Развалившись за соседним столиком, коротышка посылал мне многозначительные взгляды.

Будь я с ним не знаком, можно было подумать, что я пользуюсь успехом и у гнусных толстозадых педиков.

Небрежно поставив свой стакан на отполированную локтями стойку, я резко развернулся и зашагал к микромужику, храня на лице невозмутимое спокойствие пятнистого удава боа-констриктора.

Когда я приблизился к нему достаточно близко – так близко, что можно было почувствовать его напряженное дыхание, – лицо коротышки приобрело дружелюбное выражение. Не обращая внимания на кажущееся радушие господинчика, я со всего маху залепил ему в ухо, опрокинув на бетонные плиты.

Низкорослый мафиози растянулся под пластмассовым столиком, притягивая любопытные взгляды охочей до зрелищ публики. Из уха коротышки заструилась кровь, стекая по пухленьким щечкам.

Он встал на четвереньки, собираясь подняться на коротенькие ножки; и у него это наверняка бы получилось, если бы не одно обстоятельство – его зубастый рот наткнулся, как бы совершенно случайно, на мозолистую пятку моей ноги. Коротышка, как гуттаперчевый, проделал кульбит, на этот раз распластавшись плотно и надолго – плоский затылок гулко ударился о бетонное покрытие, а из приоткрытого рта торчал выбитый зуб.

Склонившись над бесчувственным телом, я прошептал в самое ухо поверженного:

– Никогда не подходи ко мне ближе километра. И держись подальше от дома Кораблева. Надеюсь, что ты все понял? Еще раз я увижу твою мерзкую рожу – укорочу ровно на голову. Бай-бай, крошка!

Выйдя из бара, я отправился к площадке перед «Интурой».

Когда такси домчало меня до особняка, я почувствовал произошедшую перемену: что-то было не так. И причина моего беспокойства крылась не только в застывшей у ворот милицейской машине с включенной мигалкой. Нервное напряжение просто витало в будто спрессованном воздухе.

Миновав угрюмого охранника, я прошел по аллее в сад. Меня окликнули; обернувшись, я увидел приближающуюся парочку мужчин, один из которых был моим хозяином, а второго я впервые видел в своей жизни.

Анатолий Иванович Кораблев был не на шутку встревожен: его скуластое лицо покрыла печать безмерного горя, и вся полноватая фигура как-то скукожилась, став на несколько сантиметров ниже; даже костюм за двадцать тысяч баксов казался обычной тряпкой.

Его спутник походил на удачливого спортсмена, довольного жизнью и карьерой. Только лицо выдавало в незнакомце тупоголового служаку милицейского ведомства.

– Здравствуйте, Виталий, – приветствовал меня Анатолий Иванович в присущей ему манере доморощенного интеллигента, – познакомьтесь – это Прелясковский Артур Викторович, старший оперуполномоченный уголовного розыска, – представил он спутника.

– Капитан Прелясковский, – зачем-то повторился милиционер, – могу я узнать ваше имя? Я не торопился с ответом, и потому меня представил хозяин.

– Род занятий? – уточнил милицейский опер.

– Пенсионер Вооруженных сил.

– Что-то молоды вы для пенсионера, – хмыкнул Прелясковский.

– Зато у вас – седая борода и испещренное мудрыми морщинами лицо, – парировал я, чувствуя, как этот самодовольный кретин начинает действовать мне на нервы.

Кораблев, беспрестанно теребя галстук, молвил:

– Виталий, я вас очень прошу не ерничать и отвечать на вопросы. Дело очень серьезное, чтобы относиться к нему с юмором.

– А что, собственно, случилось, – не выдержал я, – кто-то умер или вас ограбили?..

Прелясковский не дал мне договорить, прервав на полуслове:

– Похитили Инну Анатольевну.

– Этого не может быть! – Я почти кричал, теребя капитана за шиворот легкой тенниски.

Спокойно отстранившись и поправив растрепанную одежду, Прелясковский протянул мне аккуратный лист принтерной распечатки.

Послание гласило:

«Многоуважаемый господин Кораблев!

Если Вы хотите увидеть своего ребенка целым и невредимым, то ни в коем случае не обращайтесь в милицию, а терпеливо ждите наших указаний. Все, что от Вас требуется, – это пожертвовать сто тысяч американских долларов на нужды обиженных Вами людей. Согласитесь, что это не столь астрономическая цифра, исходя из Ваших возможностей. Желаем здравствовать и процветать Вашему бизнесу!»

Я несколько раз пробежал торопливым взглядом печатные строчки, пытаюсь хоть в чем-то найти необходимую зацепку, но все было тщетно.

Между тем капитан успокаивал сходящего с ума Кораблева – подчеркнуто сочувствующим тоном он вещал:

– Эксперты что-нибудь придумают.

Обуреваемый неудержимой злобой и рвущимся наружу раздражением, я резко перебил говорящего:

– Капитан, у тебя есть верблюд?

– Нет, – он глупо заморгал, уставившись на меня, – а что?

В другой ситуации я бы рассмеялся, но сейчас было не до смеха, поэтому я просто закончил:

– Так вот, купи себе верблюда и ему мозги компостируй. А селедка?

– А при чем тут селедка?

А я продолжал:

– Или купи себе селедку и крути ей, как говорят в Одессе-маме, голову. Все эти штучки, насчет экспертов, прибереги для своего начальства.

Прелясковский с трудом проглотил обиду, но в очередной раз сдержался, и, чтобы не ответить какой-нибудь дерзостью, он спросил:

– Тогда, может быть, вы, уважаемый сыщик, скажете, как поступить?

– Не знаю, – честно ответил я. И тут мой мозг поразила неожиданная догадка – я громко вскрикнул, испугав несчастного отца: – Совсем мозги растерял... Это же так просто...

Кораблев, заметив мой порыв немедленно смыться, требовательно вцепился в мою сорочку, почти что запричитав:

– Вы знаете, где она? Скажите – я вас отблагодарю! Умоляю!

Сперва я хотел просто его оттолкнуть, но мольба в голосе и несчастные глаза Анатолия Ивановича заставили меня переменить решение – я спокойно ответил:

– К сожалению, я не знаю, где она. Но постараюсь узнать в ближайшее время...

Прелясковский положил свою холеную ладонь мне на плечо и властно приказал:

– Вы обязаны сообщить следствию имеющиеся у вас сведения. В противном случае я вас привлеку за сокрытие фактов.

– Отдыхай, капитан. – Я резким ударом сбил его руку, как бы случайно попав в болевую точку локтевого сустава.

Пока мент корчился от боли, я уже бежал по тенистой аллее, направляясь к металлическим воротам. За моей спиной послышался сдавленный голос моего работодателя:

– Не мешайте ему, Артур Викторович, – пусть идет. Постарайтесь обеспечить ему режим наибольшего благоприятствования... Виталя – порядочный человек. Хотя и своеобразный.

Выйдя за пределы поместья, я стал ловить такси. Неожиданно рядом затормозил красный «жигуль». Открылась водительская дверь, и передо мной возник двухметровый жлоб из охраны, которого пару часов назад я пытался научить вежливости.

Жлоб подошел ко мне и молвил почтительно:

– Шеф приказал дать тебе машину и деньги. – Он вложил мне в руку толстую пачку купюр по сто гривен. – Еще он просил передать, что, если тебе удастся выйти на похитителей, договорись с ними о месте и времени передачи требуемой суммы – он согласен платить.

Я рассовал по карманам хрустящие банковские билеты и направился к водительской двери. Охранник остановил меня возгласом:

– Возьми меня с собой. Драться, конечно, так, как ты, я не умею, но, может быть, пригожусь.

– Извини, – пробурчал я, – но одному привычнее.

Усаживаясь за руль, я услышал робкий вопрос:

– Скажи, Виталик, – он впервые назвал меня так, – а где ты научился всему этому... ну, приемам?

– Долгая история, да и незачем тебе всего знать. Целее будешь, – выдохнул я и нажал до упора педаль акселератора.

Автомобиль послушно полетел по извилистому горному шоссе, чутко реагируя на мои прихоти.

Почти полгода я не сидел за рулем, но мастерство не пропешь – настигая впереди идущую машину, я, рискуя врезаться во встречный транспорт, шел на обгон, прижимаясь к осевой полосе, как тигр перед прыжком. Водители других автомобилей мне беспрестанно сигналили, маячили фарами дальнего света и выразительно прикладывали указательный палец к виску, но я уверенно летел вперед.

Уже спускаясь по серпантину Южнобережного шоссе, я едва не окончил свою жизнь под бампером тяжело груженного «КамАЗа»: я делал очередной обгонный маневр, оставляя справа новенький «Опель», и тут показался грузовик. Надсадно урча многосильным мотором, самосвал поднимался в горку.

Мне оставалось только два пути: либо слететь в кювет, либо приклеиться мокрым пятном к радиаторной решетке грузовика – и то и другое было для меня громкой музыкой, которую я уже не услышу; поэтому я выбрал третий – резко крутанув руль вправо, я раскучил бок «Опеля», притирая его к каменистому бортику.

Вишневая краска «семерки» обагрила салатный борт «Опеля», но это лучше, чем тот же цвет, только жидкий и на асфальте.

О чем кричал заслуженный ветеран – осталось для меня загадкой, но уж точно не о талонах на усиленное питание.

Мысленно я попросил у него прощения, но даже не удосужился помахать бедолаге ручкой.

Я остановился на стоянке перед гостиницей «Ялта», торопливо закрыл машину и побежал в сторону пляжа. Мне все казалось, что я недостаточно скор, – а что говорить о громоздком лифте, кабина которого не опускалась, не ехала и даже не ползла – она издевалась над моей нервной системой.

Пролетев пару сотен метров, я оказался перед полированной стойкой. Лысый бармен Борик непонятливо уставился на мою взмокшую физиономию.

– Где тот урод, который споткнулся с моей помощью? – на одном дыхании выпалил я, требовательно глядя в сверкающую лысину.

Отложив в сторону натертый до блеска стакан, Борюсик выпучил громадные глазки и спросил:

– А что, Виталя, ты считаешь, он недостаточно ушибся? Хочешь повторить? Так он давно отвалил в сопровождении Насти...

– Кто такая Настя? – нетерпеливо переспросил я. – Где ее найти?

Собеседник хотел пошутить, но понял по моей зверской роже, что это ему дороже станет, поэтому охотно дал необходимые пояснения:

– Гостиничная шлюха, ее довольно хорошо знает Толик – ночной бармен в круглосуточной забегаловке. Живет в Алупке, такой дом с мансардой недалеко от Верхнего шоссе, очень приметный, слушай, как найти...

Я запрыгнул за руль и помчался в Алупку.

Алупкинский домик бармена действительно смотрелся стильно. Другого подобного в городке не было, и потому отыскать не стоило большого труда.

Я же, войдя в скрипучую калитку, обнаружил во дворе хозяина.

Видимо, физиономия моя действительно была зверской. Толик сперва обомлел, но, узнав во мне робкого, податливого Виталю, он высокомерно улыбнулся – а зря. Остренький носок моей туфли, уже сегодня побывавшей в работе, обтер с плоского лица глупую улыбку, а заодно и пару зубов. Бармен растянулся во весь рост на сырой земле, на что я тактично заметил:

– Вставай, а то простудишься. Синоптики обещают похолодание.

Толик, обреченно понурив голову, послушно поплелся за мной.

Пока мы отъезжали от дома, поникший Толик прибито молчал. Первым заговорил я:

– Вам известно, что чистосердечным признанием вы смягчите свою вину?

Бармен лишь кивнул, но вдруг неожиданно оживился:

– Виталя... Что все это значит? И вообще – ты что... не совсем садовник?

Я ткнул его локтем в бок, который отозвался нехорошим бульканьем. Толик все понял.

– Вопросы задаю я. – Обогнав нарядный кабриолет с хохочущими девками, я зыркнул на соседа так, что у того сразу пропало желание что-нибудь уточнить. – В первую очередь меня интересует некая девушка Настя.

– Кто это?

– Довольно популярная валютная проститутка. – Я выдержал паузу, давая ему возможность переварить услышанное, а затем продолжил: – Где живет, куда водит клиентов, с кем контактирует?

Толик несколько секунд смотрел на меня изумленными глазами. До него никак не могло дойти, что я не шучу. Наконец к нему вернулся дар речи, и он заговорил – быстро и сбивчиво:

– Да она живет неподалеку от меня, а с клиентами ездит в горы – там есть охотничий домик с сауной и бассейном. Могу показать.

Я согласился, и минут через сорок автомобиль замер на лесной полянке; впереди маячил силуэт сказочной избушки на курьих ножках – хотя, если честно, то ноги были как минимум свиные.

Распахнув пассажирскую дверь, я приказал бармену:

– Можешь быть свободным... пока. Но если хоть одна живая душа узнает о происшедшем – ты загрузишься по полной, а то и вообще ласты склеишь. Друзки помогут, которых ты мне заложил. Но помни, для всех я простофилистый Виталя.

Не веря собственному счастью, Толик глупо пялился на меня, собираясь, по-видимому, броситься на шею в слезной признательности моему великодушию, но я предотвратил эту попытку, подтолкнув его в плечо:

– Иди, пока я не передумал. Да, чуть не забыл. – Мои глаза смотрели в его склонившуюся физиономию. – Я не люблю пить текилу без лимона.

Он собирался что-то возразить, но промолчал, задыхаясь в оправданиях.

Когда бармен свалил, я покинул кабину и направился к деревянным воротам.

К моему немалому огорчению, избушка казалась пустой и безлюдной: ни тебе ожидающей машины, ни собаки, ни даже сторожа – правда, последнего я нашел около дровяного сарая.

Уткнувшись лицом в пыльную кучку сметенного со двора мусора, человек безжизненно раскидал длинные руки в стороны; чуть повыше темени запеклась черная кровь, образуя горбатую шишку.

Вот и начались покойники, промелькнуло у меня в голове.

Желая рассмотреть лицо мужика, я перевернул его на спину и едва не обделался от страха – на меня уставились глаза, а точнее, один глаз и зияющее темнотой глазное отверстие. Но не было никаких следов свежей крови или характерного запаха трупного разложения, если не считать смердящую, кислую вонь свежей мочи.

И тут труп слегка зашевелился и произнес заплетающимся языком:

– Слышь, ты... эх!.. мой глаз не видел? Такой стеклянный... с голубым зрачком. Четвертый теряю за месяц. – Договорив, сторож мгновенно заснул, переворачиваясь в исходное положение.

– Алкаш вонючий! – вырвалось у меня невольное ругательство. – Пугалом тебе работать на огороде, а не сторожем.

Оставив в покое пьяного вдрабадан мужика, я зашагал к высокому крыльцу сказочного теремка.

Осторожно приоткрыв скрипнувшую дверь, я попал в темную прихожую, откуда вели три двери. Прямо как в сказке: направо пойдешь – коня потеряешь...

Я всегда предпочитал золотую середину, поэтому вошел в среднюю. Комната была просторной и темной из-за плотно занавешенных гардин. Так же как и двор, она была абсолютно пуста – правда, в ней стояла мебель: роскошный кожаный диван, два кресла, ломберный столик и тумбочка с видеоаппаратурой, – но мне нужны были люди.

Вернувшись в душный квадратный предбанник, я дернул за ручку правой двери и тут же отшатнулся – на меня смотрела оскалившаяся морда громадного медведя с занесенными над головой когтистыми лапами. Спустя секунду я понял, что это всего лишь чучело, поставленное при входе.

Больше вариантов не было – я вошел в последнюю дверь. Дернув за бронзовую ручку, я на всякий случай отскочил в сторону, ожидая увидеть очередного монстра.

Но ничего не произошло.

Комната оказалась вовсе не комнатой, а широким коридором с крутой лестницей на второй этаж.

Поднявшись по деревянным ступенькам, я заглянул в очередную спальню, сродни той, которую охраняло чучело хозяина тайги. Пустота. Эта пустота меня пугала больше, чем все враги, собравшиеся вместе.

Наконец я направился в самый дальний тупик и оказался в жарком, влажном предбаннике.

Где-то журчала вода и слышался едва различимый шепоток, перебиваемый легкими всплесками.

Следуя этому шуму, я прошел через раздевалку и оказался у низкого бортика квадратного бассейна.

В воде плескались тот самый коротышка и проститутка Настя – если, конечно, это была она. То, что вытворяла интуристовская шкура, наверняка бы заставило побледнеть и зашататься от зависти любых знатоков Камасутры.

Мне даже не хотелось прерывать водную феерию, но путана некстати заметила меня и тихонько вскрикнула:

– Ой! Здрассте.

Теперь я узнал ее – это была та самая лахудра, которая составляла компанию толстопузому коротышке на террасе валютного бара.

– Здоровались, – грубовато ответил я, глядя в лицо балдеющего господинчика.

Удивительно, но он отличался поразительной быстротой реакции – узнав во мне сегодняшнего обидчика, коротышка заметно сник.

И не напрасно...

Глава 3

Когда-то в Антитеррористическом центре я проходил курс подводного диверсанта. Я до сих пор помню, как быстро и без проблем утопить любого, пусть даже тренированного противника. Для этого лишь достаточно... Впрочем, я давал подписку о неразглашении и потому не буду рассказывать, как это делается.

Глядя на гнусного коротышку, я очень хотел слегка притопить его пухленькое личико, а затем сладостно наблюдать, как воздушные пузыри остатками никчемной жизни всплывают на поверхность. Но теперь это было непозволительной роскошью.

Стараясь не поскользнуться на мокром кафеле, я, балансируя, приблизился к негодю и, схватив его за оттопыренные уши, вытащил из воды. Он завертелся, как уж на сковородке, и быстро-быстро засучил коротенькими ножками.

Поставив его перед собой, я, на всякий случай, чтобы придать ему понятливости, врезал кулаком по сморщенной физиономии и сказал:

– Кто похитил дочь Кораблева и где она сейчас?

Вытирая тыльной стороной ладони сочащуюся из носа кровь, коротышка захныкал, как провинившийся школьник перед родительским собранием:

– Я не знаю, честное слово. – Заметив, что я собираюсь повторить дисциплинарное выяснение, он запричитал: – Правда-правда, ну поверь мне...

– Пионером был? – неожиданно участливо спросил я.

Он кивнул, размазывая кровавые сопли по щекам:

– Ага.

– Хотя это радует. – Ему было невдомек, почему я улыбаюсь; я же продолжил: – Приложи руку к голове в пионерском салюте.

Глуловато и непонятливо пялясь на меня, коротышка медленно приподнял правую руку наискось.

– А теперь скажи «хэк» – только резко, на выдохе. – Мое новое требование вызывало в нем самый откровенный протест.

– Зачем? – переспросил он, но, тут же получив резкий удар по печени, выдохнул: – Хэк!..

Мое терпение подходило к концу, и я зловеще протянул, в душе пугаясь собственного голоса:

– Или мы с тобой договариваемся по-хорошему, или ты сдохнешь. Но перед смертью еще восемь раз повторишь слово «хэк»! Решай, я не тороплю – у тебя есть целых пять секунд, и время уже пошло...

На лице коротышки отразилась работа мысли.

– Я правда, я действительно не знаю, где они ее спрятали, – голосок был торопливый и сбивчивый, но меня устраивал и такой, – но могу узнать. Сегодня мне надо будет подкинуть очередное послание о том, что сумма увеличилась...

– Почему? – перебил я говорящего.

Коротышка часто заморгал, решая, как поступить: сказать всю правду или чего-то утаить, – но, посмотрев на мои выразительные колотушки, он принял единственно правильное решение.

– В предыдущем письме было сказано, чтобы Кораблев не обращался к ментам, а он нарушил это условие, поэтому сумма увеличится вдвое. – Мужичонка смотрел на меня почти торжественно, гордый тем, что нашел в себе силы избежать очередного тычка.

Я в свою очередь переспросил:

– А откуда известно, что бизнесмен обращался в милицию?

– У нас в милиции свои люди.

– Кто? Где? Быстро! Как зовут главного?

– Его мало кто видел, но я знаю по рассказам, что он молодой и сильный и имеет волосатую руку в милиции...

Пришлось его перебить:

– У меня не очень волосатая рука, но, если ты будешь кочевряжиться и дальше, как теперь, она наверняка окажется в твоих внутренних органах. – Сделав внушительную паузу, я закончил: – Как его найти? Кто его знает?

Толстяк суетливо задергался и ответил:

– Сегодня ко мне придет связной с письмом – он знает почти всех...

– Его имя, ну живей вспоминай!

– Я знаю его как Алика, но наверняка это кличка. – Коротышка теперь откровенно трясся в приступе отчаянного ужаса. – Можешь прийти в мою квартиру к двум часам дня и сам с ним поговорить. Но умоляю, не выдавай меня, иначе я труп.

– Не бойся. – Мне пришлось сменить тон: теперь я вещал ласково и убаюкивающе. – Никто не узнает о нашем разговоре.

– А она? – Коротышка ткнул жирным пальцем на застывшую в бассейне проститутку. – Ты можешь за нее поручиться?

Меня так и подмывало громко заржать; подумать только – этот идиот требует, чтобы я поручился за его же телку. Кому рассказать – не поверят. Однако пришлось напустить на себя строгости.

– Это будут последние слова в ее жизни. – Я уставился на онемевшую Настю. – Тебе понятно?

Путанка поспешно закивала рыжей головкой, буквально поедая меня карими глазками, – она была готова на все, лишь бы никогда ее жизненный путь больше не пересекся с моим.

Я опять воззрился на коротышку, сказав:

– Сейчас я тебя отпущу, но если ты меня решил кинуть – вспомни о расширенной печени.

Толстяк поедал меня взором, подчеркивая холуйскую угодливость.

Я понял в эту секунду, что никуда он не денется, но на всякий случай произнес:

– А чтобы к тебе не закралась мыслишка о побеге, я загляну в твои документы. – Мой взгляд скользнул по наручным часам. – До назначенного времени остался час сорок пять – за это время тебе будет проблематично покинуть пределы Крыма. Так вот, если в назначенное время ты не окажешься дома, я сообщу все Кораблеву, а у него найдется возможность надавить на милицию. Тогда тебе светит несколько лет на нарах, а скорее под ними. Тамошние ребята очень любят толстожопых мужичков, особенно тех, которые сдают своих поделщиков.

Господинчик хранил покорное молчание, лишь часто хлопал маленькими ресницами.

Прежде чем уйти, я подвел его к краю бассейна и слегка подтолкнул, сказав:

– Осторожно, не поскользись. – Ответом мне был громкий всплеск воды от упавшего тела.

Не оборачиваясь, я покинул этот домик чудес и волшебства, запомнив данные паспорта, оказавшегося в кармане спортивных брюк коротышки.

Меня слегка рассмешила фамилия неудавшегося мафиози, и я повторял ее несколько раз, как бы пробуя эту фамилию на вкус:

– Зюзечкин, Зю-зеч-кин, Зю-ю-юзечкин.

Спустя минут сорок я неспешно подъехал к воротам виллы, где работал садовником. Охрана без разговоров пропустила мою машину на территорию особняка. Я оставил машину и пошел к себе.

Пока я готовил себе коктейль, распахнулась входная дверь и на пороге появился Анатолий Иванович. Он тяжело уселся за стол, вытер посеревшее лицо платком и спросил приглушенно:

– Виталий, вам удалось что-нибудь узнать относительно... – Ему было тяжело произнести имя похищенной дочери, поэтому он затих.

Молча наполнив еще один стакан, я протянул его Кораблеву.

– По моим личным данным, Анатолий Иванович, против вас действует весьма хорошо организованная структура. У нее есть связи в милиции. Поэтому я не делаю ставки на правоохранителей. – Мне пришлось прерваться, чтобы сделать глоток алкоголя, после чего я продолжил: – Скорее всего вы получите еще одну записку, в которой они потребуют увеличить сумму...

– Откуда вы знаете? – перебил меня собеседник.

Не вдаваясь в подробности, я коротко ответил:

– Поверьте мне, и все. Никаких других объяснений я вам не дам. – Мне, конечно, было его жаль, но и распространяться по поводу собственных действий не хотелось, поэтому я сказал лишь одно: – Меньше чем через час у меня важная встреча, которая может все решить в ту или иную сторону.

Кораблев понятиливо кивнул.

Я посчитал своим долгом предупредить его о том, что волновало и меня:

– Постарайтесь на это время надежно спрятать остальных членов вашего семейства, – я имел в виду жену и малолетнего сына, – и сами не лезьте на рожон. Если же в мое отсутствие вам позвонят или еще каким-то образом свяжутся с вами, не предпринимайте ничего, пока не убедитесь, что Инна жива. Я понимаю, что вам важнее дочь, чем злосчастные деньги, но это будет иметь смысл только в одном случае – если с вами ведут честную игру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.